

“Когда одна строка из фельетона была страшнее сотен папирос...”

Культура. — 2005. — 20-26 окт. — с. 14

Старая гвардия сатиры и юмора

Мы продолжаем печатать отрывки из автобиографического романа “Смейся, пац!”

Александра Каневского.

Владимир Соломонович Поляков. Молодым это имя сегодня не известно, а в 60–70-е годы он был одним из самых популярных писателей-юмористов: на его произведениях вырос и победно стартовал Аркадий Райкин, его сценки и монологи читали на всех эстрадах Советского Союза, во многих театрах шли его пьесы, и, наконец, фильм “Карнавальная ночь” по сценарию Владимира Полякова и Бориса Ласкина стал непревзойденным шлягером тех лет и открыл стране талант Людмилы Гурченко.

Неугомонный и творчески одержимый, Поляков в конце 60-х сотворил невозможное: организовал Театр миниатюр, стал его художественным руководителем и с огромным успехом гастролировал по стране. Во время гастролей в Киеве он пригласил меня и Роберта Веккера (моего соавтора) к себе в гостиницу, чтобы посмотреть на “племя молодое, незнакомое”. Мы мило пообщались и оставили ему две сценки, которые, как нам казалось, могли войти в репертуар его театра. Через два дня он снова пригласил нас для разговора. В просторном номере сидело еще несколько артистов театра.

— Ну что ж, мальчики, мы все прочитали ваши миниатюры и считаем, что они интересны, — произнес мэтр. — Я их включаю в послезавтрашний спектакль.

Мы с Робертом очень обрадовались.

— Спасибо, — поблагодарил я и поинтересовался. — А что значит послезавтрашний спектакль?

— Этот, сегодняшний, спектакль мы закрываем в мае и готовим новый, — объявил Поляков. — Выпускаем его в сентябре, работаем год, потом приступаем к следующему, в который и войдут ваши миниатюры.

— Это значит, только через полтора года? — огорченно уточнил Роберт.

— Приблизительно так, — подтвердил Поляков.

Я забрал лежащие на столике две наши сценки и встал.

— Еще раз спасибо, Владимир Соломонович, за добрые слова, но мы не хотим столько ждать. Я надеюсь, мы найдем коллектив, который поставит их не послезавтра, а сегодня.

Поляков явно не ожидал такой реакции. Его лицо покрылось красными пятнами, он раздраженно и резко произнес:

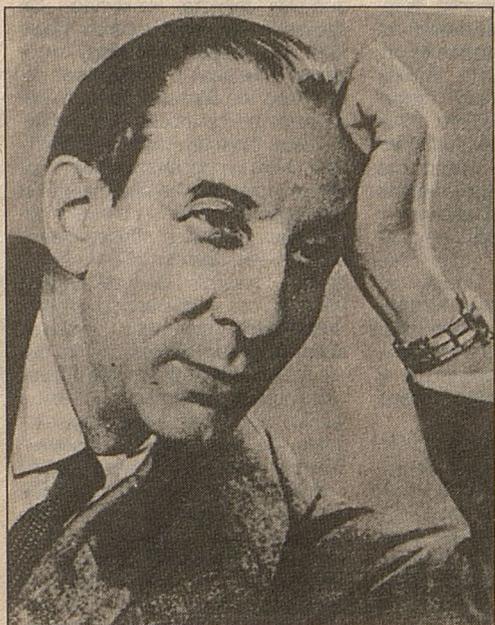
— Ну знаете... В вашем возрасте, в вашем положении я был бы счастлив, если бы столичный театр включил мои работы в свой репертуар!

Как сообщил потом Роберт, мое лицо покрылось такими же пятнами.

— Значит, мы в своем возрасте находимся в лучшем положении, чем вы были в нашем!

И мы ушли. Естественно, Поляков был возмущен до глубины души. Мне потом рассказывали, что, если при нем упоминалась моя фамилия, он тут же сопровождал ее нелестными эпитетами: “дерзкий”, “наглый”, “самонадеянный мальчишка”... Я понимал, что в его лице приобрел пожизненного недоброжелателя.

Именно в эти годы началось мое активное содружество с московскими газетами и журналами: “Литературка”, “Советская культура”, “Труд”, “Неделя”, “Крокодил”, “Юность”, “Собеседник”... Я много и регулярно публиковался, эти публикации сделали фамилию популярной. Не эстрада, не театры, а именно рассказы в газетах и журналах с миллионными тиражами: их читали, обсуждали, пересказывали друг другу по телефону. Существовал повышенный интерес к сатире и юмору, странички, на которых их публиковали, просматривали в первую очередь. “Клуб “12 стульев”

В.Поляков

находился на последней полосе “Литературной газеты”, и я на каком-то юбилее пошутил, что им никогда не простят того, что они приучили советский народ читать по-еврейски, справа налево.

В те же годы в подмосковном Доме творчества состоялся первый Всесоюзный семинар драматургов эстрады (эти семинары потом стали регулярными). Руководителями семинара были Владимир Поляков, Борис Ласкин и Александр Хазин. Мы получили приглашения, Роберт поехал первым, а я из-за каких-то семейных обстоятельств — на два дня позже.

Когда я с чемоданом вошел в комнату Роберта, он спросил:

— Знаешь, кто подошел ко мне, как только я приехал? Поляков. Угадай, какие были его первые слова?

— Представляю!

— Нет. Такого ты представить не можешь. Он спросил: “А где Сашенька?”

— Врешь!

— Клянусь!

Выйдя в коридор, мы сразу столкнулись с Поляковым. Он радостно улыбнулся и обнял меня:

— Вы — молодчина! Читайте ваши рассказы и радуюсь. Хочу с вами дружить.

Я был искренне растроган, тоже обнял его и виновато произнес:

— Спасибо, Владимир Соломонович! Простите меня за...

— Стоп, стоп, стоп! — прервал он меня. — Забудем прошлое, начинаем новую жизнь.

Согласитесь, что так поступить мог только большой человек, мудрый и душевный. Таким он и был. Почти после каждой моей публикации в Киев приходила телеграмма от Полякова: “Чудесный рассказ, поздравляю, горжусь нашей дружбой”. Или: “Ура, здорово, так держать”. Он принадлежал к тому вымирающему племени известных писателей, которые считали своим долгом помочь и поддерживать начинающих.

Во время войны Соломонович работал во фронтовых газетах и журналах, часто встречался с Брежневым, и между ними даже возникли своего рода дружеские отношения. Когда его театр еще не встал на ноги, не было помещения для репетиций, артисты не получали зарплат (репетировали у него в квартире, он кормил актеров и сам давал им какие-то деньги), друзья посоветовали ему обратиться к Брежневу, который уже слушал Хрущева и стал генеральным секретарем ЦК. Поляков позвонил в приемную, представился и попросил свидания с Ильичем № 2. Ему пообещали доложить, но прошло много времени, никто не отзывался, и Соломонович забыл о своей просьбе.

Спустя несколько месяцев раздался

звонок, в трубке прозвучал мужской голос:

— Здравствуй, Володя, это — Леонид Ильич.

Поляков, которого часто разыгрывали и который неоднократно разыгрывал других, недовольно произнес: “Ладно, ладно, в следующий раз! Я сейчас занят!”, — и положил трубку. Телефон снова зазвонил, и уже другой голос раздраженно потребовал: “Не кладите трубку! С вами говорит генеральный секретарь ЦК КПСС!” И через секунду снова раздалось:

— Володя, здравствуй, это — Леонид Ильич. Ты хотел меня видеть — приходи.

Ошеломленный Соломонович уже понял, что это не розыгрыш, и выдвинулся из себя:

— Когда?

— Сегодня в пять часов, у меня есть время.

От растерянности Поляков неожиданно для самого себя вдруг брякнул:

— В пять не могу, у меня репетиция.

— Жаааль, — протянул Брежнев. — Ладно, в другой раз. Хлопцы тебе позвонят.

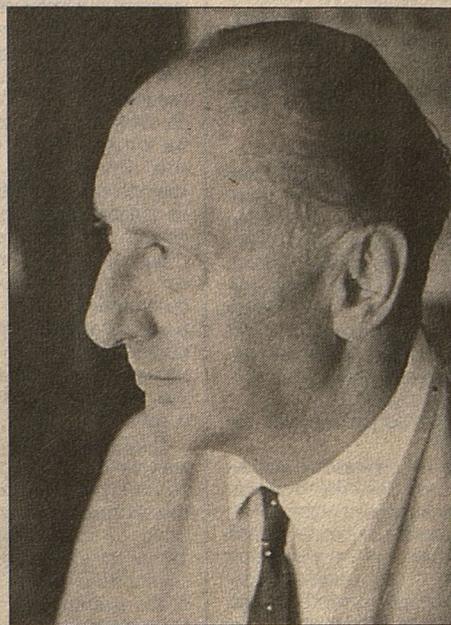
Положив трубку, Владимир Соломонович готов был биться головой об стенку. Он рвал на себе остатки волос и поносил себя последними словами: “Старый дурак! Столько ждать этой встречи и отказаться! “У меня репетиция!” — тоже мне Станиславский!”...

Через неделю встреча с Брежневым все же состоялась. Сентиментальный генсек специально принес из дома пожелтевшую фотографию, где они оба были запечатлены в гимнастерках, вспоминал фронтовую жизнь, прослезился. Потом стал жаловаться на своих соратников в ЦК и правительстве, мол, ни на кого нельзя положиться, за всеми нужен глаз да глаз. Потом налил себе и гостю кофеечку, выпили за фронтовых друзей, Брежнев снова прослезился, обнял Соломоновича, проводил его до дверей кабинета и вдруг вспомнил:

— Погоди! Ты же ко мне за чем-то пришел? Говори.

Поляков выложил ему свою просьбу, Брежнев вызвал референта, дал команду: “Помочи!” — и судьба театра была решена.

Последние пятнадцать лет жизни у Полякова было такое хобби: разведясь с первой женой, он стал периодически жениться на молоденьких, в основном, на актрисах своего театра. Ритуал был неизменен: каждой новой жене он покупал дорогую шубу, строил новую квартиру, после чего жены бросали его, и он снова женился, снова покупал и снова строил. Юрий Тимошенко рассказал мне, как однажды, когда они оба уже выпили изрядную дозу алкоголя, он решил спросить у Полякова:

Б.Ласкин

— Володя, ты же понимаешь, что двадцать — тридцать лет разницы в возрасте — это приговор: они не могут не изменять тебе!

На что Соломонович ответил:

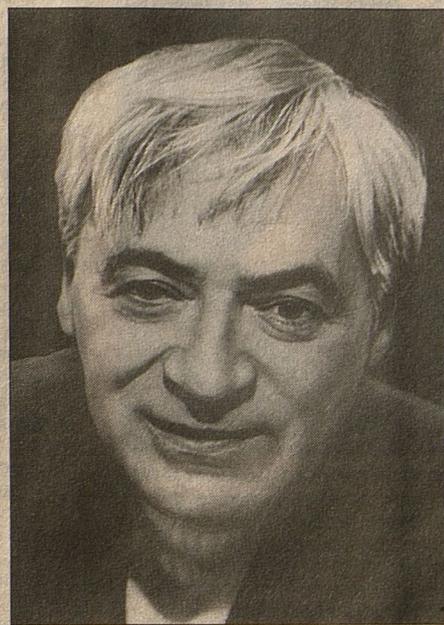
— Я знаю. Но лучше есть торт в коллективе, чем грызть сухарь в одиночку.

Своим Театром миниатюр Поляков руководил десять лет, потом, устав от постоянных нападков и давления “высстоящих инстанций”, вынужден был уйти. Под его руководством театр, конечно, стал событием на эстраде: привлекая к режиссуре таких мастеров, как Юрий Любимов и Владимир Юнчаров, он высоко поднял уровень спектаклей; оттуда вышли известные артисты: Зиновий Высоковский (пан Зюзя), Рудольф Рудин (пан Гималайский), певица Эльвира Урузбаева, исполнительница популярной тогда песни “Наманганские яблочки” (одна из жен Полякова), и многие другие. Последние годы своей жизни Поляков жил на улице Яблочкова в новой кооперативной квартире, которую построил в связи с новой женой. Его жена Ольга, красивая, сексуальная, — представляю, как ему было трудно держать ее в узде. Если в гости приходили мужчины, она вела себя довольно бесцеремонно, особенно когда выпивала, и позволяла себе такие “пассажи”, которые были ему, конечно, неприятны. Поэтому я старался бывать у них пореже, чтобы не ставить его в щекотливые ситуации. Мы ходили вместе на концерты, на просмотры новых спектаклей, вместе пришли на юбилей Виктора Ардова.

Поляков был уже болен и слаб, но голова его оставалась ясной, он писал смешно, сочно, образно. Почти каждый год у него выходила новая книга рассказов или воспоминаний. Он дарил мне их с трогательными надписями, но последнюю книгу я не успел получить — он умер, рано умер, не дожив до семидесяти.

Вместе с Поляковым и Ласкиным руководителем первого Всесоюзного семинара драматургов эстрады был Александр Абрамович Хазин. Его имя стало широко известно после того, как он вместе с Анной Ахматовой, Дмитрием Шостаковичем, Михаилом Зощенко попал в разгромное постановление ЦК, инициированное тогдашним идеологом партии Андреем Ждановым. Он фигурировал там как “некто Хазин”, написавший пародийную поэму “Возращение Евгения Онегина в Петербург”, “порочащую наше советское общество”. До сих пор помню строчки, которые там цитировались:

В трамвай садится мой Евгений,
О, бедный, бедный человек!
Не знал таких передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила —

А.Хазин

Ему лишь ногу отдавило
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: “Идиот!”
Онегин вышел на площадку,
Хотел дуэлью кончить спор,
Полез в карман, но кто-то спер
Уже давно его перчатки —
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих.

Хазин был очень талантливым писателем, которого всю жизнь старалась перемолоть бетономешалка советской идеологической обработки. В одном из стихотворений он писал о себе:

...Бросать курить мне не было
резона,
Ведь я, друзья, в такое время рос,
Когда одна строка из фельетона
Была страшнее сотен папирос.

По его словам, он “утром был бит, а вечером поднят на шит”, причем на шит вечером поднимали именно за то, за что были утром. Седоволосый, с красивым, добрым лицом, он никогда никого не ругал, не поносил, если иронизировал, то только в свой адрес.

Помню, на одном из его занятий, мы все наперебой рассказывали ему о запретах цензуры, о тупости и перестраховке редакторов, о невозможности донести свежую мысль и с надеждой спрашивали: “Когда? Когда станет легче?” Хазин улыбнулся, указал на свои седые волосы и произнес:

— Сколько я живу, столько слышу этот вопрос: “Когда будет легче?”... Друзья мои, исходя из опыта моей жизни, могу твердо заявить: Лучшее не будет! Будет хуже! Поэтому не тешьте себя надеждой, а учитесь работать в этих невыносимых условиях.

На заключительном банкете я произнес тост за постановление партии и правительства, благодаря которому впервые познакомился с творчеством Александра Абрамовича.

После окончания семинара в Министерстве культуры состоялось подведение его итогов. По чьему-то недосмотру доклад о работе семинара делал Хазин. Этот доклад был написан как сатирический монолог, умный, острый, обличающий душителей юмора и сатиры. Во время его выступления, в знак протеста, из зала вышли заместитель министра культуры Кухарский и два работника Отдела пропаганды ЦК. После доклада разгорелась страсти. Толпа верноподданых холуев, как свора собак, набросилась на Хазина, обвиняя его в “очернении действительности”, в “искаженном отображении советской сатиры, которая идет правильным путем под руководством нашей мудрой партии!” и так далее, и так далее. Такие, как Поляков, яростно защищали Хазина и благодарили его за честность. Вернувшийся в зал замминистра угрожающе заявил, что “мы еще разберемся”.

и сделаем выводы”. По существующему ритуалу докладчику полагалось заключительное слово.

Александр Абрамович вышел на трибуну со своей неизменной улыбкой и произнес:

— Мое заключительное слово будет очень коротким. Я задам только один вопрос: “Миссионер, которого съели, выполнил свою миссию или нет?”

И ушел под гром аплодисментов.

А теперь — несколько слов о Борисе Савельевиче Ласкине.

Сегодня все помнят песни “Три танкиста” и “Спят курганы темные”, ставшие советской классикой, но не все знают, что сочинил их популярнейший в те годы писатель-юморист Борис Ласкин, автор веселых рассказов, пьес и киносценариев. Большой, высокий, внешне очень серьезный, он рассказывал безумно смешные истории, даже не улыбаясь, только в глазах прыгали бесенята. Даже когда он сообщал какую-то самую достоверную информацию, у меня все равно возникало подозрение, что он сочиняет очередную байку или готовит новый розыгрыш.

И он, и Поляков славились как любители розыгрышей и всевозможных озорных проделок. Например, они много лет играли в детскую игру “Замри!”. Тот, кому адресовалась эта команда, обязан был застыть, где бы он ни находился. Однажды, на приеме у крупного чиновника Госкино, когда Поляков, жестикулируя, рассказывал о каком-то новом проекте, Борис Савельевич шепнул ему: “Замри!”. Соломонович застыл в идиотской позе с поднятыми руками. Удивленный чиновник испуганно спросил: “Что с ним?”

— Осложнение после гриппа, — объяснил Ласкин и, сжавшись, шепотом разрешил Полякову: “Отомри!”

Конечно, тот не оставил друга безнаказанным и, когда в разговор вступил Борис Савельевич, мстительно прощептал: “Замри!”, и тот застыл в такой же странной позе. А совершенно обалдевшему чиновнику Поляков объяснил:

— Он от меня заразился.

Однажды, когда мы поминали Владимира Соломоновича, Ласкин рассказал мне еще одну его уморительную проделку. Он встретил Новый год вместе с Райкиным, Мироновой и Менакером, Мировым и Новицким и еще несколькими своими коллегами. Договорились, что все будут в карнавальных костюмах. Кто-то пришел, переодетый в пирата, кто-то в рыцарских доспехах, кто-то в маске обезьяны...

Не было только Полякова. До Нового года оставалось уже всего пять-шесть минут, десять, пять... По телевизору объявили о выступлении вождя. И тут раздался звонок, все бросилось открывать дверь. В парадном стоял Поляков, раздетый, в одних плавках, худой, посиневший от холода, а к плавкам был привязан за лопки такой же худой и синий цыпленок, голова его болталась где-то внизу, между поляковских колен. Соломонович влетел в переднюю, стал подпрыгивать и махать руками, как крыльями, приговаривая:

— Я — цыпленок! Я — цыпленок!

Вождя, конечно, никто уже не слушал, потому что все свалилось на пол от хохота.

Когда я наблюдал за Поляковым, Ласкиным, Хазиним, когда я слушал их веселые истории, игры, розыгрыши, я восхищался и удивлялся, как им удалось до конца жизни оставаться озорными, хулиганскими мальчишками! А потом понял: именно это и спасло их, помогло сберечь чувство юмора, порядочности и доброту — среди тупости, ханжества и жестокости. И тогда я вывел для себя формулу: “Талант — это сохраненное детство”.

Александр КАНЕВСКИЙ